

Нин Жушэнь нервно облизнул губы. Как ему ответить?

Улыбнуться или хранить молчание?

Увидев, что Ли Утин все еще стоит на месте, он немного повернулся, сделал полшаг в сторону и мягко пригласил:

— Садитесь скорее. Пока не остыло.

Они встретились взглядами на пару мгновений, и наконец Ли Утин шагнул вперед.

Только теперь Янь Минь и Син Лань, наконец, осознали, кто перед ними, и, ошеломленные, рухнули на колени:

— В-ваше Величество!..

Синь Лань была напугана больше всех — зрачки дрожали, губы беззвучно шептали роковую фразу:

— К вам бездомные дворняги... Гость... бездомные дворняги...

Нин Жушэнь скользнул по ней взглядом и мысленно вздохнул. Вот ведь несчастный ребенок.

К счастью, Ли Утин не собирался их наказывать за недостойное поведение.

— Встаньте.

И, не говоря больше ни слова, остановился перед Нин Жушэнем.

Очень-очень близко.

Лишь теперь он заметил: человек перед ним ел так увлечённо, что его щёки покраснелись, а губы стали яркими и блестящими, а родинка на ушной раковине придавала ему особый шарм. В этом сером укутанном в дымку дворе он неуместно выделялся, притягивая невольно взгляд.

Такой живой, такой яркий — будто мазок алой краски на серой тонкой бумаге. Он не помнил, чтобы раньше Нин Чэнь был таким.

Ли Утин молча смотрел, взгляд его оставался непроницаемым.

Нин Жушэнь, чувствуя на себе этот безмолвный взгляд, немного нервно поджал губы.

Что император так внимательно разглядывал?..

Он испачкался? Крошка пристала к губам?

Он незаметно облизнул верхнюю губу. Нет... чисто.

Еще не успев спрятать язык, он почувствовал, как человек перед ним вдруг двинулся. Нин Жушэнь инстинктивно отклонился назад, ощутив холодный край стола у себя за спиной.

Однако Ли Утин лишь прошёл мимо него и, взмахнув полами одежды, сел.

В вечернем сумраке, наполненном дымкой очагов, он выглядел сдержанно и благородно:

тёмно-синее одеяние с узорчатой золотой каймой, безупречно прямая спина.

И только глаза выдавали его: он был подобен скрытому ножнами острейшему лезвию, и таким же опасным.

Нин Жушэнь невольно затаил дыхание.

И только когда раздался спокойный голос:

— Садитесь.

Он понял, что всё это время стоял, даже не двигаясь.

Он выровнял дыхание и сел рядом с Гэн Янем.

— Благодарю, Ваше Величество.

С момента появления императора Гэн Янь старался быть как можно менее заметным, и даже сев, он не мог вымолвить ни слова. Нин Жушэнь понял, что не может рассчитывать на его помощь, и решил взять инициативу в свои руки:

— Ваше Величество, что привело вас в мою скромную обитель столь внезапно? Слуги даже не успели предупредить...

Ли Утин улыбнулся, но в его улыбке не было радости:

— Не вините их. Все заняты.

Нин Жушэнь вспомнил о слугах, занятых развешиванием белых полотнищ, и почувствовал неловкость.

— Хотелось создать торжественную атмосферу.

Сказав это, он отправил Янь Миня сторожить ворота, а затем отпустил перепуганную Син Лань:

— Принеси Его Величеству суп.

Ли Утин нахмурился:

— Не стоит...

Но Син Лань уже сорвалась с места, уносясь прочь, словно испугнутый кролик.

Тишина на мгновение воцарилась за столом.

Вскоре перед императором поставили пиалу с супом.

Суп был наваристым, густым, цвета топлёного молока — тот самый бульон, который использовали для хого. На поверхности лениво покачивались мягкие, разваренные до полноты вкуса мясные косточки.

Нин Жушэнь пододвинул пиалу ближе к Ли Утину:

— Пожалуйста, ешьте. Если Ваше Величество попробует, у вас не будет оснований его критиковать.

Ли Утин взглянул на суп, но не притронулся.

Как-никак, он — Сын Неба. Всё, что попадает ему в рот, не может быть выбрано небрежно.

— Что это за суп? — спросил он как бы между прочим.

— Отвар из десяти цзиней костей, — ответил Нин Жушэнь.

Ли Утин холодно усмехнулся:

— О? Если мы выпьем лишнюю чашку, не станем ли мы причиной того, что у министра Нина будет меньше ребер?

Нин Жушэнь застыл, не зная, что ответить.

Ну в самом деле, это уже не смешно. Что происходит? С самого начала император вел себя странно... Неужели он опять чем-то раздосадовал императора?

Нин Жушэнь потрогал рёбра и беспечно отозвался:

— Пустяки, Ваше Величество. Ваш слуга уже выпил столько, что скоро вырастет панцирь.

Ли Утин проследил за его рукой взглядом.

Стоящий рядом Дэ Цюань едва заметно вытер пот со лба и мысленно взмолился: «Ох, господин Нин, да замолчите же вы хоть на миг! Его Величество и так голову сломал из-за этих слухов — вот и явился разбираться!»

Нин Жушэнь тем временем под тяжёлым, молчаливым взглядом Ли Утина продолжал лениво массировать свои рёбра, когда вдруг Дэ Цюань решительно прочистил горло:

— Господин Нин, на самом деле...

— Господин! — громкий голос Янь Миня внезапно раздался снаружи, прервав Дэ Цюаня на полуслове.

Господи, да что опять-то стряслось?

Миг — и Янь Минь уже вбежал во двор.

— Господин... ой, нет... Ваше Величество!

Ли Утин перевёл взгляд на него.

— В чём дело?

Янь Минь доложил:

— Заместитель главы Академии, господин Мон, передал визитную карточку. Он сейчас ждёт у ворот!

Нин Жушэнь нахмурился. Ещё один гость? Что за дурная ночь, не дом а проходной двор.

Он ведь всего-навсего хотел спокойно поесть хого!

В суете он даже не сразу понял, кто прибыл:

— И кто он?

Ли Утин посмотрел на него, и его лицо было непроницаемым.

На мгновение сжались губы, но, в конце концов, он всё же ответил:

— Мон Кэпо, заместитель главы Академии Ханьлинь. Он в родстве с семьёй Цуй.

Нин Жушэнь сразу всё понял.

Владыка Ада не пришёл, но хоть демоны его нагрязнили.

Он скользнул взглядом по столу, где аппетитно булькало варево, затем — по присутствующим: он сам, Ли Утин, Гэн Янь... и теперь ещё этот родственник Цуй за дверями.

За столом собрались все, кому никогда не стоило встречаться.

Приняв визитную карточку, он вздохнул:

— Ну что ж, думаю, мне стоит его принять?

Ли Утин бросил на него взгляд, не оставивший места для сомнений.

Нин Жушэнь встал, легонько стряхнул несуществующую пыль с карточки и с философским смирением заключил:

— Отлично, в таком случае... По Кемон! Я выбираю тебя!

— Господин... — осторожно напомнил Янь Минь, — его зовут Мон Кэпо.

***

Нин Жушэнь под предлогом «болезни и слабости» умышленно тянул время.

Дэ Цюань и Янь Минь тем временем скомандовали слугам убрать со стола хого.

Гэн Янь тем временем предпочёл удалиться в другой двор, от греха подальше.

Вероятно, вспомнив о семье Цуй, он уходил с таким злым видом, словно в нем самом было больше обиды, чем в разъяренном призраке.

Ли Утин отвёл взгляд.

— Похоже, министр Нин, вовсе не преувеличивал.

И помощник министра Гэн действительно очень сильно переживал.

— Разве может ваш смиренный слуга солгать Вашему Величеству? — без тени смущения соврал Нин Жушэнь, собираясь вернуться в покои и притвориться больным. — Ваше Величество, быть может, вам стоит... уйти?

Взгляд Ли Утина упал на главное здание.

— Насколько велики ваши покои?

В голове Нин Жушэня тут же зазвучал тревожный набат.

— Что?

— На наш взгляд, вполне, — Ли Утин, не дожидаясь ответа, продолжил рассуждать сам с собой. Закончив, он вдруг едва слышно усмехнулся:

— Никогда ещё никто не смел стоять заговор в нашем присутствии. Это должно быть весьма интересно.

Нин Жушэнь замер, чувствуя себя странно.

Да что в этом может быть интересного?..

Ли Утин жестом указал на главное здание.

— Идёмте, министр Нин.

***

В его покоях стояла высокая, непрозрачная ширма. Лишь несколько резных узоров на деревянных решётках позволяли тому, кто находился за ней, видеть происходящее в комнате.

Ли Утин вместе с Дэ Цюанем обошёл ширму и скрылся за её массивной преградой.

Убедившись, что ширма надёжно скрывает людей за ней, Нин Жушэнь немного успокоился. Затем он обернулся и приказал Янь Миню зажечь лампу у изголовья кровати и поставить в комнате жаровню с лекарственным дымом.

Вскоре белый дым начал виться в воздухе. Он окутал полог кровати и одежные стойки, придавая всему окружающему приглушённое, тёплое освещение, словно в комнате повисла зыбкая дымка.

Нин Жушэнь остался доволен результатом и велел слуге:

— Позови их.

— Слушаюсь, господин.

Янь Минь, заметно нервничая, поторопил его:

— Господин, вам нужно скорее лечь!

— Да знаю я, знаю, — проворчал Нин Жушэнь, отмахиваясь. — Уже ложусь.

Нин Жушэнь, произнеся это, развязал пояс и небрежно бросил его на тахту, затем плавным, уверенным движением потянулся, чтобы снять штаны.

Янь Минь внезапно вспомнил, что император всё ещё в комнате, и в панике бросился его останавливать:

— Господин... господин, не надо! Укройтесь одеялом, и никто ничего не увидит. Зачем снимать?!

Нин Жушэнь замер, ушам своим не веря. Янь Минь говорил так, словно он вообще собирался всё с себя снять!

— Не беспокойся, я не собираюсь раздеваться полностью...

— Но господин...

Нин Жушэнь нахмурился и жестом остановил его.

— Я уже говорил, хочешь обмануть, обмани сначала себя. Раз уж мы разыгрываем представление, мы разыграем его до конца, — одним движением стянул с себя штаны и небрежно отшвырнул их от себя и ловко вскочил на кровать.

Алый шелк мантии струился по молочно-белой коже.

Сквозь полупрозрачные занавеси мелькнул силуэт, и пламя свечи, подхваченное ветром, слегка наклонилось, отбрасывая дрожащие тени на полог.

Янь Минь окончательно лишился дара речи.

***

Дэ Цюань за ширмой низко наклонил голову, словно пытаясь прятать её.

Сквозь резные узоры ширмы пробивались тонкие лучики света и тени. Он не смел и глаз поднять, тем более покоситься на восседающего рядом государя.

Боковым зрением он видел лишь неподвижную руку, бессильно повисшую вдоль тела, с резко очерченными костяшками. И на какое-то мгновение он допустил мысль, не лишился ли император чувств...

И тут же мысленно отругал себя за такую вольность.

Ему что, совсем жить надоело, раз посмел представить императора без чувств?!

Он что, место своё не знает? Где он, а где Сын Неба?

Это был его законный повелитель, благородный и сдержанный государь, избранник Небес. Всегда и во всем он контролировал себя, что бы не случилось, он сохранял спокойствие. И как можно было даже подумать, что государь лишится чувств?!

Дэ Цюань спешно отогнал дерзкие мысли, покорно опустил голову и замер в ожидании.

***

Только Нин Жушэнь улегся на кровать, уткнувшись в подушку, как тут же в комнату вошли.

Он уткнулся щекой в подушку, наблюдая, как слуга впускает в комнату мужчину лет сорока. Наряжен тот был богато, но сам — худой и жилистый, словно жердь.

Едва гость переступил порог, как глаза его начали беспорядочно метаться по комнате, едва ли

головой не крутил. И сразу стало понятно, что это не просто визит вежливости, он пришёл с каким-то намерением.

Нин Жушэнь, прикрыв рот рукой, пару раз кашлянул.

Лишь тогда Мон Кэпо обратил внимание на него, изобразив на лице озабоченность:

— Ах, господин Нин, как ваше здоровье? Слышал, вы подверглись наказанию, и я, не на шутку встревожившись, немедленно поспешил вас проведать.

И тут же, не удержавшись, подпустил ехидства:

— Что-то в доме у вас совсем безлюдно. Неужели больше никто вас не навещает?!

Нин Жушэнь слабо покачал головой.

— Ах, если бы... Теперь к моему дому только бездомные дворняги иногда забредают...

Мон Кэпо замер, уставившись на него.

В комнате установилась напряженная тишина.

Выдавив из себя вежливую улыбку Мон Кэпо заметил:

— Как говорится, друзья познаются в беде, господин Нин.

Нин Жушэнь, поддакивая ему, с показной благодарностью приподнялся:

— Истинно так, только господин По ко мне и добр.

Улыбка Мон Кэпо едва не погасла.

— Вообще-то, господин Мон.

Нин Жушэнь с деланным раскаянием исправился:

— Прошу прощения, господин Мон.

Обмен любезностями продолжался еще какое-то время.

От этого Нин Жушэнь стало клонить в сон, и когда он уже почти задремал, уткнувшись лицом в подушку, гость наконец-то перешел к делу:

— Слышал, господин Нин, вы за министра Гэна заступались, чем и навлекли гнев императора?

— Мон Кэпо испытующе посмотрел на него. — Не расскажете, что случилось?

Ну наконец-то дошли до сути, иначе он бы и вправду уснул.

Нин Жушэнь слегка приподнялся, сделав вид, что хочет что-то сказать, но сомневается.

Мон Кэпо прищурился, его голос был полон заботы и скрытого смысла:

— Господин Нин, вы слишком доверчивы и простодушны, поэтому вас и используют как орудие. А наш государь... всё же молод и горяч, ему просто нужно показательно кого-нибудь наказать.

На лице Нин Жушэня отразилось внезапное осознание.

А Мон Кэпо уже не скрывая самодовольную усмешку в голосе продолжил:

— Подумать только, ведь покойный император отметил ваш выдающийся талант, господин Нин. А теперь вы пал жертвой чужих интриг... Кто бы знал, как мне обидно за вас, что за несправедливость!.. Ваша жизнь и честь теперь зависят от одной лишь прихоти императора...

Нин Жушэнь едва сдержался.

Какая уловка! Какое лицемерие! Как Мон Кэпо умело изображает сочувствие!

Он наконец понял, что было интересно императору. Слушать все эти речи, произнесенные прямо в лицо, и вправду захватывающе.

Нин Жушэнь с нетерпением спросил:

— Но что же мне делать, господин По... Мон?

— Ну... — у Мон Кэпо глазки так и забегали, ну явно же что-то задумал! И понизив голос, заговорил после паузы:

— Если вы желаете, приходите ко мне завтра домой.

А после выпрямился и кашлянул:

— У меня, к слову, сейчас гостит известный лекарь, думаю, он мог бы осмотреть вас.

Нин Жушэнь с притворным восторгом воскликнул:

— Благодарю вас, господин Мон!

***

Достигнув цели, Мон Кэпо, довольный собой, с важным видом удалился.

Стороживший у двери Янь Минь вошёл, и Нин Жушэнь, приподнявшись на локте, спросил:

— Ушёл?

— Ушёл, — Янь Минь, с опаской покосился на неподвижную ширму. — Господин, вам бы одеться...

Вдруг снаружи раздался душераздирающий крик.

Они замолчали и переглянулись.

С недоумением Нин Жушэнь попросил:

— Дядя Янь, посмотрите, что там.

— Слушаюсь, господин.

Янь Минь едва успел повернуться, как в комнату, словно вихрь, ворвалась знакомая фигура, захлопнув за собой дверь.

Гэн Янь, запыхавшись, остановился у кровати Нин Жушэня. Одежда его была слегка растрепана, а в глазах читалось удовлетворение.

Нин Жушэнь почувствовал неладное:

— Что-то случилось? Я слышал крик...

Гэн Янь стёр с рук грязь.

— Я только что сидел на соседской стене, увидел эту лживую тварь и не сдержался и, как раз когда он проходил, запустил в него куском черепицы. Кажется, попал прямо в цель.

Нин Жушэнь даже открыл рот от удивления.

Затем, стукнув по кровати, в гневе воскликнул:

— В моем доме нападаешь на гостей! Моей же черепицей!

Гэн Янь возмутился:

— Да не сдержался я! Скажешь, сама упала. Кто проверять-то будет?!

Нин Жушэнь с ужасом простонал:

— Да разве она могла сама по себе упасть?!

— А что, черепица точно следует твоим приказам?

Но стоило им только повесить голос, как послышался полный боли и стонаний голос Мон Кэпо, возвращающегося обратно:

— Ох, что же деется, господин Нин...

— Не время сейчас, дай мне укрыться! — выпалил Гэн Янь и, не оглядываясь, бросился за ширму.

Нин Жушэнь только и успел, что сказать:

— Постой...

А тот уже скрылся за ширмой.

В следующее мгновение раздался испуганный икающий звук:

— В-в-в...

Нин Жушэнь вздохнул, чувствуя бессилие.

А он ведь хотел сказать, предупредить, что за ширмой император. Но этот, как всегда, ничего слушать не желал.

Но в следующее мгновение дверь в комнату с шумом распахнулась.

Мон Кэпо, придерживая окровавленную голову, вошел в комнату, больше не в силах сохранять вежливую учтивость и, с трудом сдерживая гнев, посмотрел на него.

— Господин Нин! И как это с вашей стены вдруг кусок черепицы свалился? Вы посмотрите, что с моей головой! Не может же это быть случайностью, верно?!

Нин Жушэнь, сделав вид, будто удивлен, кашлянул, словно из последних сил:

— Да что вы такое говорите? Кхе-кхе-кхе... Мои слуги ведь все на виду, господин Мон, во дворе. Выходит, эта черепица сама упала...

Мон Кэпо пронзительно и визгливо воскликнул:

— Да вы сами себе верите?! Разве черепица может сама упасть?!

— Так ведь у меня тут воры намедни хозяйничали, черепицу, видимо, тогда и повредили.

Мон Кэпо уставился на него, буквально задохнувшись.

Некоторое время они смотрели друг на друга снизу вверх и сверху вниз. В комнате стоял терпкий запах лекарств из курильницы, и у Мон Кэпо от потери крови начала предательски кружиться голова.

Нин Жушэнь, широко раскрыв свои чистые, ясные, как озерца, глаза, пристально смотрел на него и настойчиво повторял: «Господин Мон? Как вы? Всё в порядке?». Но и пальцем не пошевелил, чтобы позвать лекаря, слуг или хотя бы позаботиться о ране.

Мон Кэпо, с трудом сдерживая злость, про себя выругался: «Ну и идиот! Так ему и надо, чтобы его использовали, как пешку».

— Ну что же, тогда я откланяюсь и поеду домой, и буду ждать вас через пару дней, господин Нин.

Произнеся это, он резко повернулся и с гневом захлопнул за собой дверь!

***

Убедившись, что гость окончательно ушел, Нин Жушэнь встал и начал одеваться.

За ширмой что-то едва заметно шевельнулось.

Только после этого Ли Утин шагнул из-за нее, а за ним, опустив голову, следовал Дэ Цюань и последним, поджав воображаемый хвост, Гэн Янь.

Нин Жушэнь, завязывая пояс, повернулся. Алые одежды свободно лежали на плечах, а темные волосы, спускаясь по шее, были спрятаны под воротник:

— Ваше Величество.

Ли Утин лишь кивнул в ответ, отведя от него взгляд.

Гэн Янь поспешно опустился на колени, прося прощения.

— Ты можешь идти, — произнёс император, мельком взглянув на него, затем, помолчав, добавил: — В ближайшие дни, возможно, министру Гэну придется потерпеть некоторые неудобства.

Гэн Янь замер на мгновение, но быстро сообразил что к чему и, поклонившись, поблагодарил за милость.

Нин Жушэнь исподтишка наблюдал за выражением лица императора.

В теплом свете свечей его суровый и прекрасный профиль казался мягче, чем обычно. Да и судя по тону, к министру Гэну он был настроен вполне благосклонно?..

И Нин Жушэня внезапно осенило.

А что если с самого начала император и не планировал, чтобы министр Гэн взял вину на себя?..

Это что получается? Всё, что император вещал тогда в кабинете, было, чтобы запутать его?

В разгар этих раздумий человек, находившийся в центре его внимания, обратил на него свой взгляд:

— А ты...

Нин Жушэнь вернулся в реальность, и, немного растерявшись, на одном дыхании выдал «да-ваше-величество».

Ли Утин с силой хлопнул по его столу и резко сказал:

— То, как ты обходился с гостем, просто недопустимо! Министру Нин следует хорошенько обдумать своё поведение в ближайшие пару дней.

С этими словами он взмахнул рукавом и решительно вышел за дверь.

Ещё не успев прийти в себя, он увидел, что Дэ Цюань, который шёл следом за императором, хитро улыбнулся и сложив пальцы как в танце, погрозил ему:

— Ох и натворили же вы дел, господин Нин...

И тоже выпорхнул за дверь.

Да что тут, вообще, происходит?!

Когда все наконец ушли, он ещё некоторое время стоял на месте. Вдруг его взгляд зацепился за какой-то предмет на столе, поблескивающий в слабом свете свечей.

Подойдя ближе, он увидел, что это белоснежное нефритовое кольцо для стрельбы из лука¹.

В памяти мгновенно всплыла ухмылка Дэ Цюаня.

Нин Жушэнь, сжимая кольцо в руке, долго стоял в задумчивости.

Это что выходит? Что, когда император сказал «недопустимо», он на самом деле имел в виду «вы прекрасно справились, господин Нин»?..

¹ Поскольку невозможно точно определить эпоху, в которой происходит действие новеллы, нельзя сказать, какой именно формы было кольцо.

Кольцо на большой палец, изначально созданное для стрельбы из лука, — это не просто элемент снаряжения, но и древний символ силы, мастерства и статуса. Его изначальная цель была сугубо практической: уменьшить трение, защитить палец от давления тетивы и сделать стрельбу более удобной. Ведь в древние времена лук и стрелы были неотъемлемой частью жизни, служили важным оружием на войне и в охоте.

Однако со временем такое кольцо обрело более глубокое значение. В обществах, где искусство стрельбы из лука являлось основой выживания и военного мастерства, его ношение стало признаком зрелости и силы. Мальчику, который впервые мог натянуть тетиву, вручалось такое кольцо как символ перехода во взрослую жизнь, как знак того, что он готов стать защитником и добытчиком.

Особую ценность приобретали кольца, изготовленные из нефрита или других драгоценных материалов. Такие украшения не только защищали палец, но и подчеркивали высокий статус владельца. Нефрит, почитаемый за свою прочность и красоту, стал символом благородства и власти. Нефрит легко поцарапать, но он обладает высокой ударной вязкостью: куски нефрита почти невозможно расколоть. В этом плане в природе ему нет равных!

Но ношение нефритового кольца говорило о знатном происхождении или выдающихся заслугах, даже если его практическая функция уже утратила актуальность.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: перевод редактируется

<http://bllate.org/book/12927/1134628>